

Отдел I

Экономика и экономическая политика

Э. И. Квиринг

Проблемы генерального плана

О генеральном плане развития СССР написано несколько книжек и много статей. Уже несколько лет в Госплане Союза ведется подготовительная работа к составлению 10—15-летнего генерального плана развития народного хозяйства СССР, и все же пока имеются лишь рабочие материалы, отдельные прикидки, а самый план может быть закончен лишь через полтора-два года, т. е. к периоду, когда будет выполнена пятилетка. Опыт составления пятилетнего плана показал, какие трудности представляет собой планирование на значительный ряд лет. Если уже со второго года пятилетки выяснилось, что хозяйство наше растет значительно быстрее, чем это было намечено пятилеткой, приходится проявлять особую осторожность при составлении хозяйственных планов на 10—15 лет.

Задача составления генплана к тому же крайне осложняется международным положением СССР. Для перспектив развития СССР имеют огромное значение и революционное движение пролетариата капиталистических стран и возможное военное выступление против нас союза капиталистических государств. Предвидеть сколько-нибудь точно развитие событий на протяжении 10—15 лет невозможно. Это делает всякий генплан документом особо условным.

Общеизвестно, что капиталистические государства готовятся к войне против СССР, общеизвестно, что сила революционного пролетариата из года в год нарастает, но никто не может сказать, когда капиталистические государства обрушатся на СССР, никто не может сказать, когда революционный пролетариат свергнет господство капиталистов в той или другой стране.

Между тем война с капиталистическими государствами или пролетарская революция хотя бы в одном из крупных капиталистических государств будет иметь огромное значение для дальнейшего развития СССР.

Учитывая значение указанных факторов, ряд товарищей ставит вопрос о том, чтобы учесть в генплане возможную интервенцию против нас и пролетарские революции в капиталистических странах.

Тов. Ларин еще в июле 1929 г. в «Правде» высказал положение, что «в основу планировки (генплана) надо класть допущение, что на-

шей стране придется с оружием в руках отстаивать социализм», и что «вся планировка нашего хозяйства должна быть подчинена мысли о возможности быть вынужденными ответить на силу силой».

Правда, т. Ларин не пытался сколько-нибудь конкретизировать свое предложение, иначе ему пришлось бы сказать, какую именно войну предусмотреть в плане: войну на полгода или на 2, 3, 4 года; войну, из которой СССР выйдет с победой, полупобедой или поражением; войну, которая вызовет пролетарские восстания в ряде капиталистических стран, или наоборот, войну, в которой пролетариат решающих стран будет раздавлен и обескровлен еще раз.

Если взять лучший и наиболее вероятный исход, что война окончится полной победой Советов, с установлением советского строя в ряде капиталистических стран, то все же стоит вопрос, каковы будут разрушения, причиненные войной и Советскому Союзу, и новым советским республикам, и как далеко назад отбросят нас эти разрушения.

Как можно предвидеть хотя бы примерно подобные вещи?

Как можно хозяйственно оценить результаты любой сколько-нибудь серьезной войны при современной военной технике? Это невозможно.

Поэтому мы не можем в наших планах учесть такие факторы, как война и ее последствия.

Капиталистическое окружение и неизбежность военного столкновения между страной растущего социализма и охваченным старческими болезнями капиталистическим миром обязывает нас готовить оборону СССР и во всей нашей хозяйственной и политической работе исходить из интересов обороны. Это элементарно.

Задачи обороны пред'являют очень широкую систему мер и хозяйственного и политического порядка, помимо вопросов непосредственно военного порядка. Эти задачи учитываются во всех наших планах, во всей хозяйственной работе.

Если у т. Ларина и др. речь идет только о соответственной подготовке страны к обороне, тогда это обязательная «органическая» часть всякого плана, и можно лишь говорить о том, обеспечивает ли каждый данный конкретный план в достаточной мере нужды обороны или нет. Но готовить страну к обороне и предусмотреть в плане войну и ее последствия — вещи различные.

Конечно, трудно допустить, что в течение ближайших 10—15 лет капиталистические державы не попытаются стереть с лица земли республику Советов вооруженной рукой. Единственной гарантией против нападения капиталистических стран на СССР явилась бы победоносная пролетарская революция в ряде капиталистических стран.

И все же генеральный план не может предусмотреть ту или иную войну и ее последствия, т. к. в одних условиях такая война может ускорить темпы социалистического строительства, в других — отбросить нас назад.

Заниматься гаданием в такой области совершенно бесполезно. Вместо этого нужно крепить оборону и реально обеспечить планы военной мобилизации страны.

Условность 10—15-летнего генерального плана не ограничивается однако неопределенностью международного положения.

Невозможно достаточно правильно учесть ресурсы страны, завершающей переходный период. Еще труднее учесть ресурсы, которые дает социалистическая организация всего производства. Невозможно предвидеть развитие науки и техники, что может открыть все новые и новые ресурсы.

И все же генеральный план необходим. Он необходим для того, чтобы установить основные линии развития, наметить основные контуры того хозяйственного, культурного и социального строя, который мы должны построить в ближайшие 10—15 лет.

Но именно в силу указанной условности ряда положений мы не можем дать законченный во всех деталях план развития страны на 10—15 лет.

Тов. Кржижановский совершенно правильно подчеркнул в своем докладе на с'езде госпланов, что в генплане мы можем дать лишь общие контуры и наметить лишь генеральные линии развития нашего хозяйства.

Каждый хозяйственный план (и контрольные цифры и пятилетка) есть не только план хозяйственной работы и строительства — это есть план, который в концентрированном виде представляет всю политику коммунистической партии на определенный период. Именно поэтому В. И. Ленин назвал план ГОЭЛРО второй программой партии, именно поэтому вокруг наших годовых планов и пятилетки разворачивались бои внутри партии. В хозяйственном планировании и всей системе мероприятий по выполнению планов выявляется с наибольшей остротой и силой генеральная линия партии.

Каждый наш план охватывает определенный период продвижения к социализму Советского Союза.

Правильное планирование народного хозяйства в переходный период обязательно предполагает учет соотношения классовых сил в стране и установление определенных сдвигов в соотношении классовых сил.

Поэтому в генплане идет речь не просто о том или ином хозяйственном росте, не просто о росте производительных сил страны, а о таком росте производительных сил, при котором была бы обеспечена победа социализма.

Наши планы есть прежде всего планы строительства социализма. До сих пор это определение было достаточно для выявления социальной установки наших планов. Для генплана такая формула уже недостаточна.

Из года в год мы усиливаем элементы социализма в нашем хозяйстве и вытесняем элементы капитализма.

В генеральном плане эта борьба должна быть доведена до конца: социализм побеждает и вытесняет все остальные хозяйственные уклады. За период в 10—15 лет мы построим социалистическое общество, если возможная война не отбросит нас назад.

Генеральный план есть план построения социализма в СССР, но и это определение слишком обще и потому недостаточно.

Социализм не есть нечто законченное, застывшее. Социалистическое общество, развиваясь из капитализма, лишь постепенно освобождается от ряда капиталистических пережитков, лишь постепенно поднимается на высшую ступень. Переход этот вовсе не так легкий и прост — переход к высшим формам требует помимо колоссального роста производительных сил еще и полной переделки людей.

Поэтому, когда мы говорим о генплане, необходимо наметить этапы строительства социализма. Это имеет огромное значение именно теперь, когда переходный период вступил в фазу отмирания. Мы употребляем здесь этот термин в условном понимании. Это «отмирание» будет происходить в условиях жестокой классово-борьбы на протяжении ряда лет.

Мы подошли сейчас к такому периоду развития социалистического строительства, когда приобретают особое значение следующие слова В. И. Ленина:

«Политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно, но теперь, при капитализме, признавать его было бы смешно и выдвигать его на первый план могли бы разве лишь отдельные анархисты»¹.

Да, теперь различие между низшей и высшей фазой коммунизма огромно именно потому, что мы вплотную подошли к строительству социализма, и тут надо строго различать фазы социалистического строительства. Нельзя безнаказанно прыгать сразу через несколько ступенек, нельзя опережать события.

Всякая подобная попытка вызывает отдачу и вместо форсированного наступления может получиться обратное.

Именно сейчас партия исправляет головотяпство местных органов, допустивших перегибы в целях максимального форсирования колхозного строительства. Левые загибщики не довольствовались тем, чтобы провести коллективизацию в 2-3 года. Никто не хотел «отставать». В результате перегибов мы теперь в целом ряде районов имеем выходы из колхозов и дискредитирование в глазах известных групп идеи коллективизации. Исправление этих ошибок требует дополнительных усилий.

В такой же мере, как сейчас, опасно применять насилие, чтобы ускорить сплошную коллективизацию, — в такой же мере опасно и сейчас и в последующие годы форсировать переход от низшей фазы коммунизма к высшей, т. е. к зрелому коммунистическому обществу.

¹ В. И. Ленин, т. XIV, стр. 2.

Между тем ряд товарищей при трактовке задач генплана проявляет в этом вопросе крайнее легкомыслие.

Особую храбрость проявили тт. Золотарев и Сабсович. Они неудержимо рвутся возможно скорей к «зрелому коммунистическому обществу».

У т. Золотарева (см. статью в «Торг.-пром. газ.» от 7/XII 1929 г.) в 2 ближайших года мы кончаем со всякими остатками капитализма, а в следующую пятилетку, считая с 1932/33 до 1936/37 г., т. е. через 7 лет, мы кончаем первую фазу коммунизма и вступаем прямо в высшую фазу коммунизма, когда, как утешает нас т. Золотарев, «государство начнет отмирать».

Больше, чем на 7 лет, т. Золотарев отказывается планировать, «ибо за пределами второй пятилетки, при переходе в зрелое коммунистическое хозяйство, где не будет классов и «неравенства», понятие плана, очевидно, коренным образом изменится, перерастет в планирование бесклассового общества, в котором функции государства начнут отмирать».

Стало быть, по т. Золотареву, через 7 лет мы махнем в «зрелое коммунистическое общество, где не будет классов и неравенства».

Поневоле вспоминается неудачный претендент на командование партизанской армией в пьесе «Командарм 2», который в отчаянии кричит: «Господи, скорее бы социализм».

Но т. Золотарев как-будто не впал в отчаяние, подобно неудачнику из «Командарма 2». Он доказывает от науки, от опыта, от темпов, наконец от Маркса и Ленина. Он несомненно прочитал соответствующие места и из «Критики готской программы», и из «Государства и революции», и еще кое-что. Терминология у него взята именно из указанных работ, но... и только. Все остальное «головокружительная» вредная трескотня.

Тов. Сабсович в своей книжке «СССР через 15 лет» ставит задачу построить социализм через пятнадцать лет. О фазах социализма т. Сабсович в этой работе не говорит.

В последних своих работах о социалистических городах т. Сабсович уже далеко «опередил» и свою гипотезу «через 15 лет» и пытается опередить других храбрых строителей будущего. Сабсович явно не хочет отставать от «перегнавшего» его Золотарева.

В статье «Почему мы должны и можем строить социалистические города» (№ 1 журн. «Культура и революция») Сабсович рисует следующую перспективу: «Таким образом в течение ближайших 5—8 лет мы сможем почти полностью уничтожить противоречия между городом и деревней» и дальше: «к этой социалистической реконструкции быта мы должны приступить немедленно и осуществить ее для всех трудящихся города и деревни в 5—8 лет». Итак, и т. Сабсович хочет через 5—8 лет привести нас к высшей фазе коммунизма.

Но может быть тт. Золотарев и Сабсович правы: хозяйство наше растет бешеным темпом, коллективизация крестьянства также,

остатки капитализма из года в год уменьшаются. Почему же нельзя в 7-8 лет кончить переходный период и первую фазу социализма и подойти к «полному», «зрелому» коммунизму?

Чтобы разобраться в этих вопросах, нужно остановиться подробнее на вопросе о фазах развития коммунизма, на том, что сказано по этим вопросам Марксом, Энгельсом и Лениным.

Нужно отметить, что до последнего времени в нашей литературе на этом останавливались мало, ибо до сих пор речь шла почти исключительно о различных этапах переходного периода.

Теперь же мы вплотную подошли к задаче построения социализма. Поэтому сейчас приходится думать не только о том, как завершить переходный период, но и о той фазе социализма, которая следует за переходным периодом.

Это во всяком случае обязательно для всякой проектировки генплана. Поэтому именно теперь необходимо вспомнить, как наши великие учителя намечали фазы развития социализма.

В замечательной брошюре «Государство и революция», написанной в 1917 г. непосредственно перед Октябрьской революцией, В. И. Ленин специально рассматривает учение Маркса о низшей и высшей фазе коммунизма. Приводим ряд выдержек из этой книги:

«Научная разница между социализмом и коммунизмом ясна. То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это неполный коммунизм. Великое значение разъяснений Маркса состоит в том, что он последовательно применяет и здесь материалистическую диалектику, учение о развитии, рассматривая коммунизм, как нечто развивающееся из капитализма. Вместо схоластически выдуманных, «сочиненных» определений и бесплодных споров о словах (что социализм, что коммунизм) Маркс дает анализ того, что можно бы назвать ступенями экономической зрелости коммунизма» (т. XIV, ч. 2, стр. 377).

И дальше, поясняя первую фазу коммунизма, Ленин пишет: «В первой своей фазе, на первой своей ступени коммунизм не может еще быть экономически вполне зрелым, вполне свободным от традиций или следов капитализма».

«Учет и контроль — вот главное, что требуется для налаживания, для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества. Все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного «синдиката». Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну». «Все общество будет одной конторой с равенством труда и равенством платы».

Таким образом в первую фазу коммунизма все средства производства обобществлены, все граждане не только являются служащими

и рабочими пролетарского государства, но оплата производится «поровну за равную работу».

Но при этой «равной» оплате за равный труд остается фактическое неравенство, что особо отмечено Марксом в «Критике готской программы».

В. И. Ленин также подчеркивает это положение:

«Развивая мелкобуржуазную неясную фразу Лассаля о «равенстве» и «справедливости» вообще, Маркс показывает ход развития коммунистического общества, которое вынуждено сначала уничтожить только ту «несправедливость», что средства производства захвачены отдельными лицами, и которое не в состоянии сразу уничтожить и дальнейшую несправедливость, состоящую в распределении предметов потребления «по работе» (а не по потребностям)» (там же, стр. 374).

Таким образом в низшей фазе коммунизма все граждане являются работниками государства (или, добавим мы теперь, социалистического коллектива), а средства потребления распределяются «поровну» «по труду».

На первой фазе коммунизма существует «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства над мерой труда и мерой потребления», и уклонение от этого контроля «будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой» (Ленин, «Государство и революция»).

Эта первая «низшая» фаза коммунизма должна постепенно подготавливать «высшую» фазу зрелого коммунистического общества. Что же для этого нужно?

Чем отличается высшая фаза от низшей? Законченный ответ на этот вопрос дает Маркс в «Критике готской программы»:

«На высшей фазе коммунистического общества после того как исчезнет поработощающее человека подчинение его разделению труда, когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени «каждый — по способностям, каждому — по потребностям».

Итак лишь после того как исчезнет разделение труда (а следовательно и различие между крестьянином и рабочим и противоречия между городом и деревней); лишь после того как исчезнет противоречие между умственным и физическим трудом, причем все это про-

изойдет на базе такого роста производительных сил, что «богатства польются полным потоком», лишь тогда — подчеркивает Маркс — мы преодолеваем последние пережитки капитализма и переходим в высшую фазу коммунизма, когда не будет никакого неравенства, где каждый будет работать по способностям и полностью удовлетворять свои потребности. Тогда государство, как ненужный пережиток, отомрет.

Вот о чем идет речь на высшей фазе коммунизма! Вот на какую вершину думают нас поднять в 7-8 лет тт. Золотарев и Сабсович.

Самый поверхностный анализ перспектив покажет, что здесь мы имеем легкомысленный и необоснованный перескок, загиб от головокружения на быстрых темпах под'ема.

Было бы, конечно, бездушным схематизмом представлять дело таким образом, что этапы развития социализма отделены друг от друга китайской стеной, что один начинается как раз на другой день после того, как кончается предыдущий. В реальной жизни все происходит сложнее, новое нарождается и растет, а старое еще держится и уступает лишь постепенно.

Уже в переходный период социализм осуществляется на 50—60—70% и т. д., постепенно завоевывая одну позицию за другой и вытесняя капиталистические и докапиталистические элементы. В то же самое время, уже в переходное время, закладываются коммунистические ячейки, как например сел.-хозяйственные коммуны с обобществлением потребления.

Положение этих ячеек своеобразное. Так например сел.-хоз. коммунам приходится реализовать свои продукты за деньги и на деньги покупать все необходимое, платить проценты по ссудам и т. д. Но все же это уже зачатки высшей фазы коммунизма.

После окончания переходного периода коммунистические ячейки будут расти усиленным темпом, и по мере роста производительных сил низшая фаза коммунизма будет непрерывно перерастать в высшую.

Ленин в свое время неоднократно останавливался на вопросе о сроках, которые необходимы для перехода к высшей фазе коммунизма, и в определениях проявлял осторожность, которую можно рекомендовать усердным проектировщикам. В брошюре «Государство и революция» он пишет: «Как скоро пойдет это развитие дальше, как скоро дойдет оно до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположностей между умственным и физическим трудом, до превращения труда в «первую жизненную потребность», — этого мы не знаем и знать не можем.

Поэтому мы и вправе говорить лишь о неизбежном отмирании государства, подчеркивая длительность этого процесса, его зависимость от быстроты развития высшей фазы коммунизма и оставляя совершенно открытым вопрос о сроках или о конкретных формах отмирания, ибо материала для решения таких вопросов нет».

Некоторые товарищи¹ считают, что теперь материалы для решения этого вопроса уже есть. Этот материал товарищи видят в огромных темпах роста нашего хозяйства.

Темпы наши огромны — это верно. Преимущества социализма подтверждаются полностью. Подтверждаются предсказания Маркса, Энгельса, Ленина о невиданных темпах хозяйственного роста при социализме. Все это верно. Но все это пока материал для решения задачи о примерных сроках для окончания переходного периода и установления первой фазы коммунизма.

Но где же материал для решения задачи, о которой говорит Ленин, а именно: «как скоро дойдет дело до разрыва с разделением труда, до уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом»?

И здесь мы имеем зачатки решения этой задачи хотя бы в виде завода-втуза, но разве этот опыт дает нам основание считать, что через каких-нибудь 7 лет уже исчезнет разделение труда и противоположность умственного и физического труда?

К тому же уничтожение разделения труда предполагает также уничтожение противоречия между городом и деревней, что возможно лишь в результате выполнения требования, выставленного еще в Коммунистическом манифесте, — требования «объединения фабричного и земледельческого труда».

Есть ли у нас материал для решения вопроса о сроках для решения указанных задач? Нет. Таких материалов нет, и потому мы можем сейчас лишь ставить задачу постепенного приближения за период генплана к высшей фазе коммунизма, подготавливая для этого почву. Тем более нет материалов для решения вопроса «о неизбежном отмирании государства», которое, по Ленину, зависит «от быстроты развития высшей фазы коммунизма».

Это особенно надо помнить т. Золотареву, у которого через 7 лет государство «начнет отмирать».

На основе всего сказанного мы приходим к следующей формуле:

За период генплана (10—15 лет) мы должны закончить переходный период, построить в основном первую фазу коммунизма, с постепенным переходом к высшей фазе коммунизма, по мере укрепления материальной базы и международного положения СССР, по мере социалистической переделки всех граждан и подготовки их к высшим формам социалистического общества.

¹ В этом вопросе мы не можем согласиться также с т. Ковалевским (см. его статью в „Экономич. жизни“ от 21/1 1930 г.). В целом статья дает правильную установку по социальным проблемам генплана, но т. Ковалевский считает, что мы сейчас имеем уже достаточный материал для определения сроков перехода к высшей фазе коммунизма, что по нашему мнению неправильно.

Мы отказываемся сейчас определять, как скоро первая фаза коммунизма перерастет в высшую. Вместо этого мы устанавливаем перспективу постепенного перерастания, — именно в этом все дело. Конкретная обстановка покажет, какие нам даны темпы в этом процессе.

Некоторым очень нетерпеливым товарищам мы можем напомнить для успокоения следующие слова Ленина.

В речи на 1-м съезде земельных коммун, произнесенной 3/XII 1919 г., т. е. в период высшего напряжения военного коммунизма, В. И. Ленин, поучая коммунистов, сказал:

«Коммунизм есть высшая ступень развития социализма, когда люди работают из сознания необходимости работать на общую пользу. Мы знаем, что сейчас вводить социалистический порядок мы не можем, дай бог, чтобы при наших детях, а может быть и внуках он был установлен у нас».

В. И. Ленин был много скромнее в установлении сроков для высшей фазы коммунизма, чем ряд современных писателей по вопросам генплана, — уже не говоря о загибщиках, которые пытаются немедленно перевести единоличников прямо в коммуны.

В предвидении срока, когда будет установлен коммунизм, Ленин допускает разницу во времени на целое поколение, а тов. Золотарев считает точно: «через 7 лет к высшей фазе коммунизма».

**

Остановимся теперь в общих чертах на анализе переходного периода и первой фазе коммунизма. Мы хотим показать, какие именно социальные задачи мы должны решить в период генплана для того, чтобы подняться к высшей фазе коммунизма.

Прежде всего мы должны кончить переходный период. В последнее время очень много написано о ближайшем этапе переходного периода. Более подробное рассмотрение этого вопроса потребовало бы слишком много времени. И в вопросе о нэпе было проявлено не мало головокружения. Не останавливаясь на вопросе о нэпе, мы здесь считаем лишь необходимым отметить, что переходный период еще не кончается с завершением новой экономической политики. Нэп является одним из этапов переходного периода и притом, как это теперь уже можно утверждать, самым длительным, но не единственным. Военный коммунизм был ведь также этапом переходного периода, а еще раньше — рабочий контроль.

И после завершения нэпа может быть и вероятно будет еще некоторый этап переходного периода.

На самом деле: переходный период ведь не кончается с того момента как ликвидирован последний кулак и закрыта последняя частная лавка.

Переходный период кончается тогда, когда все «граждане» страны получают работу от государства или коллектива, когда не будет

ни безработных ни беспризорных, когда все граждане, в том числе и нетрудоспособные, будут иметь необходимый жизненный минимум, когда не будет элементарной борьбы за кусок хлеба, когда не будет почвы для подпольной торговли продуктами продовольствия или дефицитными товарами, т. е. тогда, когда экономика не будет в той или иной форме содействовать «химическому» выделению тех или иных ростков капитализма. Тогда мы перейдем в первую, низшую фазу коммунизма.

Будут ли через 2-3 года все граждане работниками государства или членами производственных коллективов? Конечно не будут.

Во-первых, в отсталых районах и национальных республиках через 2-3 года едва ли все крестьянство будет объединено в колхозы. Партия себе этой задачи сейчас не ставит. Во-вторых, кулачество, составляющее около 5—7 млн. чел., в колхозы не принимается, не принимается и на работу на заводы и фабрики. Нужно думать, что и через 3 года больше половины из них будет вести индивидуальное хозяйство. А что будут делать через 3 года остатки городской буржуазии, городские ремесленники, известная часть кустарей?

Если подсчитать все эти группы населения, то наберется около десятка миллионов людей, которые через 3 года еще не могут быть непосредственными участниками социалистического строительства. Их жизнь в той или иной форме будет основана на частнохозяйственном начале. Если даже мы закроем все клапаны для перерастания этих хозяйств в капиталистические, они все же будут хозяйствами частными, и отношения государства с ними должны базироваться на товарообороте — хотя бы в форме продуктообмена.

Можно ли далее предполагать, что, закончив в основном процесс коллективизации за 3 года, мы за этот период полностью обобществим все отрасли сельского хозяйства? В частности, думаем ли мы в этот срок обобществить всех коров, свиней, птиц и т. д.? Мы считаем, что за 3 года это сделать нельзя. Но если у крестьянства через 3 года в индивидуальном пользовании еще будут находиться миллионы коров, свиней, птиц, — можем ли мы запретить их владельцам продавать товарные излишки, если таковые у них будут? Мы полагаем, что это было бы неразумно. Животноводство переживает жесточайший кризис. Головоунышество в деле безоглядного обобществления всего скота крестьянства явилось одной из причин уничтожения значительной части стада. Потребуется годы, чтобы смягчить положение с продуктами животноводства. В этих условиях и через 3 года будет еще крайне важно получать товарный выход продуктов от той части скота, которая будет находиться в индивидуальном пользовании. Мы можем запретить частную торговлю и следовательно скупку у крестьян их излишков частниками. Мы можем поручить дело скупки кооперации. Все же для колхозника, владельца скота, эта сделка является частнохозяйственной, и колхозник в данном случае выступает как мелкий товаропроизводитель. Таким образом даже после того, как все кре-

стьянство будет объединено в колхозы, мы будем иметь период, когда известная часть колхозников (вероятно, примерно, около половины) будет одновременно выступать в качестве мелких товаропроизводителей.

Стало быть в хозяйственной системе, которая в главных своих разделах стала социалистической, мы будем иметь еще элементы простого товарного хозяйства, а следовательно и возможность «химического» выделения капитализма, пусть в нелегальных формах.

В этих условиях мы, несомненно, будем иметь еще безработицу. Допустим, что безработица сведется к минимуму. Мы считаем, что в ближайшие годы недостаток рабочей силы будет более чувствоваться, чем безработица. Но, вместе с тем, будет существовать и в значительных размерах (сотни тысяч) безработица неквалифицированных и главным образом женщин. К тому же вопросы организации труда в колхозах у нас еще совершенно не поставлены. Опыт работы колхозов в весеннюю кампанию 1930 г. показывает огромный избыток рабочей силы. Как дать нагрузку этой рабочей силе — это важнейший вопрос. Можем ли мы с уверенностью сказать, что через 3 года мы эту проблему решим, и что через 3 года колхозы не будут выделять такое количество свободных рабочих рук, что вопрос о безработице встанет в новой форме.

Все эти соображения приводят нас к выводу, что было бы неосторожно считать, что переходный период завершается через 2-3 года.

Не исключено, что с простым товарным хозяйством мы кончим лет через 5—7, когда материальная база социализма настолько окрепнет, что все виды индивидуального хозяйствования исчезнут, и тогда действительно все граждане будут работниками единой социалистической «конторы».

Само собой понятно, что в этот последний отрезок переходного периода социализм будет уже в такой степени преобладающей формой хозяйства, что мы сможем в известной мере игнорировать все уменьшающиеся остатки капитализма и говорить о нашей системе хозяйства как о социалистической. Это будет так же верно, как то, что «государство наше — рабочее, с бюрократическими извращениями».

Но остатки капитализма и докапиталистических форм налагают свой специфический отпечаток и на социалистические формы хозяйства, почему в этот период фактическое неравенство в материальном положении участников социалистического сектора хозяйства будет еще очень велико.

Переходим теперь к рассмотрению первой фазы коммунизма. Что же необходимо для того, чтобы подготовить переход к высшей фазе коммунизма, т. е. что нужно сделать, чтобы завершить первую фазу коммунизма?

Прежде всего, конечно, нужно создать такую мощную материальную базу, чтобы можно было осуществить принцип — каждому по потребностям. Мы допускаем, что масштабы производства, намеченные

в рабочей гипотезе т. Ковалевского, достаточны для перехода к этому принципу, примерно, к концу периода генплана, хотя и это определит лишь история.

Само собой разумеется, что и принцип — каждому по потребностям — будет вводиться постепенно, по частям, а не будет «декретирован» сразу. По мере укрепления социалистического общества (первой фазы) с каждым годом будет увеличиваться количество благ, которые будут предоставляться всем гражданам бесплатно. Сюда, прежде всего, относятся обучение и содержание детей, ясли, больницы, санатории, дома отдыха и т. п., т. е. все то, к чему мы приступили уже сейчас. Затем настанет очередь для трамваев, автобусов, освещения, отопления, воды, вань и пр. Тут же идет кино, театры и т. п.

Такие продукты первой необходимости, как хлеб, картофель и др., очевидно будут выдаваться бесплатно в потребительской норме с того момента, как только эти продукты у нас будут в избытке.

Дальше, очевидно, мы перейдем к такому порядку, когда по одному и тому же талону на завтрак, обед, ужин каждый может есть столько, сколько ему нужно, и то, что он хочет из состава разнообразных кушаний, имеющихся в столовых. Уже сейчас в скандинавских странах в ресторанах, рассчитанных на зажиточных, за определенную плату можно брать сколько хочешь самых разнообразных блюд, поставленных на столе. Каждый берет по своему вкусу, и в конечном счете получается некоторая средняя норма, и содержатели ресторанов и столовых получают нормальную прибыль. Тем легче организовать такой порядок в социалистическом обществе. Только хронически недоедающий человек набрасывается на пищу и поедает свыше нормы, если ему поставить ее без всяких норм. В организованном обществе этого не будет.

На ряду с едой очевидно и для простейших стандартных видов одежды будет установлен упрощенный порядок отпуска. Мы хотим подчеркнуть приведенными примерами, что уже на низшей фазе коммунизма все больше и больше услуг и благ обобществляются и предоставляются всем гражданам «по потребностям» — по мере роста материальной мощности страны. Заниматься гаданием, через сколько именно лет можно перейти полностью к осуществлению принципа — каждому по потребностям — дело праздное.

Важно, что мы на первой фазе социализма постепенно и по частям вводим этот принцип в жизнь.

Переходим к вопросу о разделении труда.

Разделение труда лежит в основе капиталистического общества. Разделение труда, по выражению Маркса, «порабощает человека и привязывает одного к земле, другого — к машине, станку, счетной конторке и т. п.». Разделение труда вызывает такие противоречия между отдельными членами общества, которые не могут иметь место при социализме.

Сюда относится, прежде всего, противоречие между городом и деревней, что создает, по выражению Маркса, с одной стороны, «ограниченное городское животное, — с другой стороны, «ограниченное деревенское животное» и противоположность умственного и физического труда, по словам Ленина — «один из важнейших источников современного общественного неравенства».

Социализм должен уничтожить разделение труда и следовательно и противоречия, которые создает разделение труда между городом и деревней. Коммунистический манифест требует «соединения земледельческого труда с фабричным».

Что же нужно для этого сделать?

В первый период необходимо уничтожить материальное, культурное и политическое различие в положении рабочего и крестьянина. Как это сделать? В. И. Ленин в статье «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» писал:

«Социализм есть уничтожение классов.

Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином; сделать всех работниками. Этого нельзя сделать сразу. Это — задача несравненно более трудная и, в силу необходимости, длительная. Это — задача, которую нельзя решить свержением какого бы то ни было класса. Ее можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единоличного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к обобществленному крупному хозяйству. Такой переход по необходимости чрезвычайно длителен. Такой переход можно только замедлить и затруднить торопливыми и неосторожными административными законодательными мерами. Ускорить этот переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне».

Эта короткая выдержка содержит целую программу действия и, вместе с тем, дает теоретическую установку. Указания эти имеют решающее значение для политики коллективизации сегодняшнего дня.

В. И. Ленин предупреждает от увлечения административными, законодательными мерами, ибо они могут только «замедлить и затруднить» переход к коллективизации.

Во многих местах об этом забыли, стали коллективизировать в порядке административного восторга — результаты, предсказанные Лениным, налицо.

Пыжиться и скакать в таком деле вредно. Владимир Ильич указывает, вместе с тем, возможный путь ускорения перехода к коллективизации. Это помощь государства в деле коренного преобразования всей земледельческой техники.

На лошадиных и воловьих колоннах можно строить коллективы лишь на первых порах, имея твердую перспективу — в сравнительно короткий срок постепенно переводить хозяйства на механическую базу.

Переход единоличных крестьян в колхозы есть первый серьезный шаг к уничтожению как политического, культурного, так и материального различия между крестьянином и рабочим.

Товарищи, которые через 7 лет подводят нас к зрелому коммунистическому обществу, очевидно, должны исходить из предпосылки, что 4-5 лет после проведения коллективизации — это срок совершенно достаточный для того, чтобы добиться уничтожения указанного неравенства между рабочим и крестьянином.

Таким образом уничтожение различия между рабочим и крестьянином начинается с того, что крестьянин перестает быть хозяином (самостоятельным товаропроизводителем) и становится работником (безразлично — у государства, в совхозе, на фабрике и др. местах или у колхоза). Крестьянин начинает, как и рабочий, получать определенную зарплату. С этого начинается второй период, в течение которого колхозник — вчерашний крестьянин — должен быть «уравнен» с заводским рабочим в материальном, культурном и политическом отношении. Установление сроков в этом деле чрезвычайно трудно, — они зависят, прежде всего, от темпов роста материальной базы.

Чем быстрее будет расти материальная база, тем быстрее можно ввести «уравнение» в том условном понимании, когда за равный труд платится поровну, но неравенство еще остается.

Во всяком случае за период генплана этот период может быть закончен.

Но этим лишь уничтожается различие между рабочим и крестьянином. Для установления полного социализма требуется покончить с противоречиями между городом и деревней. Это потребует «соединения фабричного и земледельческого труда», т. е. такого распределения по стране заводов, которое давало бы возможность каждую производственную единицу организовать как индустриально-аграрный комбинат или аграрно-индустриальный комбинат.

В I томе «Архива Маркса и Энгельса» мы находим следующее место у Маркса:

«Противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности. Она есть грубейшее выражение факта подчинения индивида разделению труда и определенной, принудительно навязываемой ему деятельности, подчинения, превращающего одного человека в ограниченное городское животное, другого — в ограниченное деревенское животное и ежедневно наново порождающего противоречие интересов обоих. Труд здесь является снова главным делом, является силой над индивидами, и пока существует эта последняя должна существовать и частная собственность. Уничтожение противоречия между городом и деревней является

одним из первых условий коллективности (*Gemeinschaft*) условием которое в свою очередь зависит от массы материальных предпосылок и которое, как всякий видит сразу же, не может быть осуществлено одной только волей (эти условия должны еще быть развиты)».

Маркс подчеркивает здесь, что противоречие между городом и деревней, связанное с властью (силой) труда над индивидом, есть прямое следствие частной собственности. Уничтожение частной собственности и переход к «коллективности» должны привести к уничтожению противоречий между городом и деревней, между «ограниченными городскими и деревенскими животными». Без этого нет социализма.

В «Принципах коммунизма» Ф. Энгельс писал по этому же поводу:

«Отсюда вытекает, что противоречие между городом и деревней тоже исчезнет. Одни и те же люди будут заниматься земледелием и сельским хозяйством вместо того, чтобы предоставлять это делать двум различным классам. Это является необходимым условием коммунистической ассоциации уже в силу материальных причин. Дробление земледельческого населения в деревнях и скопление промышленного в больших городах является состоянием, которое соответствует только недостаточно высокому уровню сельского хозяйства и промышленности и которое препятствует дальнейшему развитию, что уже весьма дает себя чувствовать в настоящее время».

Ограниченность и «идиотизм» деревенской жизни должны быть уничтожены не только тем, что крестьянское хозяйство поднимается на высшую ступень крупного механизированного земледелия, но еще и тем, что земледельческий и фабричный труд соединяются, что крестьянин становится одновременно участником и фабрично-заводского труда, а заводский рабочий — участником земледельческого труда.

В развернутом коммунистическом обществе у нас не должно быть разделения на современных городских и сельских жителей, на людей, работающих только на фабриках, и людей, работающих только в сельском хозяйстве.

«Разделение труда, расшатанное уже в настоящее время машиной и превращающее одного в крестьянина, другого — в сапожника, третьего — в фабричного рабочего, четвертого — в биржевого спекулянта, исчезнет совершенно¹».

Это может быть достигнуто только при условии, что размещение промышленных предприятий по стране будет производиться таким образом, чтобы не нагромождать в существующих промышленных центрах строительства новых предприятий, а, наоборот, держаться, поскольку это допускают экономические соображения, такого распределения предприятий, чтобы в дальнейшем они могли стать частью первичной производственной ячейки коммунистического общества, в которой промышленное предприятие составляет лишь частицу хо-

¹ Энгельс. Принципы коммунизма.

зяйственного комбината. Эту перспективу мы не можем упускать из виду уже при текущем планировании, тем более в планировании перспективном.

Задача генплана — в максимальной степени подготовить условия для такой организации коммунистического общества. Это значит, что генплан по линии сельского хозяйства должен предусмотреть такое постепенное укрупнение коллективных хозяйств, с постепенным превращением их в аграрно-индустриальные комбинаты, чтобы они соответствовали оптимальному типу крупного хозяйства для соответствующего района.

В этом деле мы тоже успели уже наделать крупные ошибки. И здесь проявляется недопустимая спешка, торопливость, перескакивание. Каждый район хочет сразу иметь колхозы-«гиганты». В результате получаются бумажные гиганты, которые рассыпаются при первом толчке. НКЗему пришлось издать специальный приказ, чтобы зря не гигантить, а бумажные гиганты распустить.

Крупный колхоз на десятки тысяч га можно создать лишь в течение ряда лет после того, как мы добьемся укрепления более мелких колхозов, при условии, что объединение это основано как на механизации с.-х. производства, так и на организации новых хозяйственных предприятий, обслуживающих ряд мелких колхозов.

В «Анти-Дюринге» Энгельс ставит вопрос о широком, более равномерном распределении крупной промышленности по всей стране. При этом Энгельс говорит, что «большие города должны исчезнуть, и они исчезнут, хотя бы процесс и был продолжительный».

Мы не можем ставить в генплане задачу ликвидации больших городов, но было бы нелепо продолжать политику концентрации промышленности в крупных промышленных центрах и тем более политику создания новых социалистических городов с миллионным населением. Такие планы идут по линии капиталистического разделения труда, по линии дальнейшего углубления противоречий между городом и деревней.

Труднее всего, конечно, объединить фабричный и земледельческий труд, скажем, на таких промышленных гигантах, как Магнитогорский гигант, Сталинградский, Запорожский комбинаты и т. п.

Однако и здесь нет непреодолимых трудностей, и таким комбинатам можно придать сельскохозяйственный массив в несколько десятков тысяч га, используя рабочую силу попеременно на заводе и в поле. Технических препятствий к такому комбинированию не существует. Организационные трудности преодолеют те новые люди, которых воспитает социалистическая система.

Из всего сказанного вытекает, что основной первичной (низовой) производственной единицей в развернутом коммунистическом обществе должна быть производственная коммуна, которая охватывает все виды хозяйственной деятельности предприятий, расположенных на ее территории.

И здесь мы не беремся установить сроки, когда мелкие колхозы, не подходящие под типовую модель данного района, будут ликвидированы или вернее влиты в крупные колхозы.

И здесь вопрос решают темпы хозяйственного роста колхозов и темпы роста наших организационных сил и способностей. Нужно, чтобы укрупнение колхозов происходило без всякого головотяпства, администрирования и «соревнования» в темпах.

По мере укрепления и укрупнения колхозов должен быть поставлен вопрос о формах комбината между крупными государственными фабриками и колхозами, в районе которого она (или они) работает. Это будет уже решающий шаг по линии уничтожения противоречий между городом и деревней.

Сейчас трудно еще установить формы такого объединения. Вопрос требует проверки практикой. Принципиально он решен постановлением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б), которым устанавливается организация аграрно-индустриальных комбинатов.

В генеральном плане эта задача должна быть разработана более конкретно, а районы должны разработать свои планы конкретно, применительно к действующим у них промышленным предприятиям. Завершает все дело такое размещение по стране новых фабрик и заводов, которое действительно полностью объединит сельское хозяйство и промышленность.

Только тогда полностью будет уничтожено противоречие между городом и деревней. Нужно быть очень храбрым, чтобы наметать выполнение такой программы в 7-8 лет. Чаще всего в такой «спешке» и погоне за «полным» социализмом забываются задачи сегодняшнего дня и срывается работа.

**

Не менее трудную задачу представляет ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом. И здесь мы должны пройти несколько стадий. Первая задача — это создать достаточное количество своих советских пролетарских кадров, работников умственного труда.

За какой срок мы решим эту задачу? Едва ли раньше, чем через 5—7 лет. И то нужно сказать, что это будут на первых порах молодые кадры. Без оставшихся старых «буржуазных» специалистов как наших, так и иностранных мы не обойдемся.

Все знают, сколько у нас трудностей со старыми специалистами, среди которых очень значительная часть принимала активное участие во вредительстве, большинство держало нейтралитет и лишь меньшинство активно участвовало в хозяйственном строительстве. Пятилетка по кадрам рождается в муках именно потому, что это одна из труднейших проблем. Огромные темпы строительства, социалистическая реконструкция хозяйства требуют громадного количества специалистов во всех областях.

Все расчеты по пятилетке показывают недостаток специалистов во всех отраслях. Очевидно лишь во втором пятилетии нам удастся разрешить количественно проблему специалистов. Но отсюда еще далеко до ликвидации противоположности между умственным и физическим трудом, до исчезновения разделения труда — эта задача, очевидно, может быть решена лишь во вторую очередь. Когда мы будем иметь достаточное количество своих специалистов, тогда только встанет вопрос о таком дальнейшем перепроизводстве специалистов, что можно будет нагружать специалистов любой работой.

Здесь именно встает задача создать того нового разностороннего человека, о котором Ф. Энгельс в «Принципах коммунизма» писал:

«Существование классов вызвано разделением труда, а разделение труда в прежнем его виде совершенно исчезнет, так как, чтобы поднять промышленное земледельческое производство на указанную прежде высоту, недостаточно одних только механических и химических вспомогательных средств. Нужно также в соответственной мере развить способности людей, применяющих эти средства. Подобно тому, как в прошлом столетии крестьяне и рабочие в мануфактурах изменили весь свой образ жизни и стали совершенно другими людьми, когда оказались вовлеченными в крупную промышленность, точно так же общее ведение производства силами всего общества и вытекающее отсюда новое развитие производства будет нуждаться в совершенно новых людях и создаст их». И дальше...

«воспитание позволит молодым людям быстро знакомиться со всей системой производства, оно позволит им поочередно переходить от одной отрасли производства к другой, в зависимости от потребностей общества или их собственных склонностей. Таким образом воспитание освободит их от той односторонности, к которой вынуждает в настоящее время каждого современное разделение труда».

Создание этих новых людей, очевидно, требует, чтобы все дети обязательно проходили курс, примерно, девятилетки, и чтобы каждый гражданин был не только грамотен, но чтобы он имел ничем не ограниченную возможность изучать детально ряд производств. Только тогда мы будем иметь такое положение, когда, например, инженер может половину своего времени работать за станком, а другую половину — в качестве управляющего мастерской, цехом, фабрикой. Уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом будет изжито, если каждый, работающий на станке, на тракторе, одновременно будет в той или иной мере работником умственного труда и наоборот, когда каждый ученый, профессор, химик и т. д. обязательно одновременно будет выполнять какую-нибудь физическую работу.

Но это между прочим обозначает совершенную перестройку нашей государственной машины.

Никаких специальных советских служащих, т. е. учрежденческих работников, не должно быть. Все бесчисленные учрежденские работники должны будут известную часть времени работать в каком-либо производстве. Учрежденская работа (поскольку останутся управленческие органы) будет выполняться всеми гражданами или по желанию, по выбору, или по очередности, если это потребуется. Вот что обозначает ликвидация противоположности умственного и физического труда.

Сейчас мы за недостатком специалистов вынуждены мобилизовать агрономов, инженеров, строителей и других из учреждений для работы по специальности непосредственно на производстве.

Мы боремся против того, чтобы специалисты работали не по своей специальности, мы заставляем агронома, который может быть не имеет склонности к работе в сельском хозяйстве, все же работать по своей специальности, так как агрономов не хватает, и интересы общества стоят выше интересов отдельных лиц. Такое положение мы вынуждены поддерживать до тех пор, пока у нас будет недостаток специалистов. Следовательно, на ближайший ряд лет мы никак не можем ставить задачу «уменьшить» разделение труда в отношении группы специалистов. Мы, наоборот, будем требовать, чтобы каждый специалист работал по специальности. Лишь после того как мы создадим «перепроизводство» специалистов, и в то же время каждый гражданин будет иметь возможность значительно поднять свою квалификацию; а школы будут выпускать молодых людей, всесторонне подготовленных, — современное узкое разделение труда по специальностям отпадет и станет возможным ликвидация противоположности между умственным и физическим трудом, и этот источник неравенства между людьми будет ликвидирован.

Вот какие сложные задачи стоят перед нами на первой, низшей фазе коммунизма. Играть в таком деле сроками, спорить 7—10 или 15 лет — несерьезно. Важно поставить задачу и наметить пути. Жизнь покажет, когда нужно переходить от одной стадии к другой.

Мы коснулись здесь ряда сложнейших вопросов лишь в самых общих чертах. Мы наметили лишь общее направление решения поставленных проблем. Каждая из этих проблем должна быть подвергнута детальному анализу. Для правильной компоновки генплана мы должны иметь, прежде всего, твердые установки по линии социального разреза плана, по линии организации общества. Не претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, мне кажется, что основные вехи мною в настоящей статье поставлены.

Мы подвергли резкой критике левых загибщиков, легкомысленно пытающихся «на-ура» проскочить в высшую фазу коммунизма. Мы показали огромные трудности, которые придется преодолеть в борьбе за «полный» коммунизм. Мы показали примерный процесс постепенного нарастания социализма. Мы отказались в ряде случаев наметить

сроки. Мы считаем, что эти сроки выявятся в процессе строительства. Сейчас важно взять правильное направление. Это не значит однако, что нужно скатиться к самотеку.

На другом полюсе от перегибов и перескоков стоит правая опасность, которая ведет к оппортунистической трактовке вопросов генплана.

Иногда, когда говорят «жизнь покажет», могут надеяться и на то, что авось жизнь покажет как-нибудь иначе, или покажет не так уже скоро.

Под такими «мудрыми» ссылками на жизнь чаще всего скрывается оппортунизм, боязнь революционных сдвигов.

Именно оппортунисты кричат после временных неудач или трудностей: «не надо было начинать».

В наших условиях правая оппортунистическая опасность в отношении генплана заключается в том, что задача построения социализма отодвигается в сторону, и вообще проблема генплана берется под сомнение.

Используя ошибки загибщиков, скажем, по линии строительства социалистических городов, оппортунисты сводят вопрос о социалистическом переустройстве быта к элементарным изменениям индивидуального быта; используя ошибки в форсировании коллективизации, оппортунисты отодвигают задачу социалистической перестройки села в неопределенное будущее.

Сейчас правые настроения в отношении генплана не получили своего законченного очертания, они выявляются чаще всего по отдельным вопросам. Мы решительно выступаем против такого по существу «мещанского» отношения к генплану.

Готовы ли мы однако к тому, чтобы составить сейчас хоть сколько-нибудь жизненный генплан? Нет, пока еще не готовы. Мы находимся лишь в предварительной стадии работ. Рабочая гипотеза тов. Ковалевского — это пока лишь некоторая прикидка, которая может ориентировать нас примерно в масштабе и структуре производства и строительства. Но этого для генплана еще недостаточно. У нас нет еще главного: нет еще конкретной проработки технической реконструкции по важнейшим отраслям народного хозяйства.

Впереди еще огромная работа огромной трудности и сложности. Поэтому мы думаем закончить работу над генпланом лишь в 1½—2 года.